

Научная статья

УДК 811.342

ББК 81.521.311

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-111-118

МЕЖДОМЕТИЯ И ЗВУКОПОДРАЖАНИЯ В РУССКО-ПЕРСИДСКОМ КОНТЕКСТЕ: ДАННЫЕ ОПРОСА

Кесарь Мехраби

Университет Альзахра, Тегеран, Иран, qmehrabi@alzahra.ac.ir

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования восприятия и употребления междометий и звукоподражаний студентами-иранцами ($N = 52$), изучающими русский язык на промежуточном уровне в Университете Альзахра (Тегеран). Анализ данных, полученных с помощью опроса, показывает, что респонденты активно используют экспрессивные единицы как в устной, так и в письменной речи — в том числе в цифровой коммуникации, где междометия часто заменяются эмодзи. Наиболее частые контексты употребления связаны с удивлением (50%), неформальным общением (23%), раздражением (8%) и радостью (6%). Выявлено, что 90% студентов считают междометия важным средством выразительности, а 92–94% осознают необходимость их адаптации к коммуникативной ситуации. Несмотря на различия в частотности и фонетической реализации, русская и персидская экспрессивные системы демонстрируют функциональную конвергенцию в базовых эмоциональных доменах. В то же время лингвистический анализ учебных программ иранских вузов свидетельствует о недостаточной репрезентации междометий, что противоречит их высокой прагматической значимости. Результаты подтверждают необходимость включения экспрессивной лексики в лингвокультурологический и межкультурный анализ, поскольку она отражает эмоционально-оценочное отношение говорящего и способствует формированию аутентичной коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: междометие, звукоподражание, лингвокультурология, межкультурная коммуникация, русско-персидское сопоставление, экспрессивная компетенция

Для цитирования: Мехраби К. Междометия и звукоподражания в русско-персидском контексте: данные опроса // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 2 (508). С. 111–118. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-111-118.

Original article

INTERJECTIONS AND ONOMATOPOEIAS IN THE RUSSIAN-PERSIAN CONTEXT: SURVEY FINDINGS

Qaysar Mehrabi

Alzahra University, Tehran, Iran, qmehrabi@alzahra.ac.ir

Abstract. The article presents the findings of an empirical study on the perception and use of interjections and onomatopoeias by Iranian students ($N = 52$) learning Russian at an intermediate level at Alzahra University (Tehran). Survey data analysis reveals that respondents actively employ expressive units in both spoken and written communication, including digital discourse, where interjections are frequently substituted with emojis. The most common contexts of use include expressions of surprise (50%), informal interaction (23%), irritation (8%), and joy (6%). It was found that 90% of students regard interjections as a vital means of expressiveness, while 92–94% recognize the need to adapt their usage to specific communicative situations. Despite differences in frequency and phonetic realization, Russian and Persian expressive systems exhibit functional convergence in core emotional domains. At the same time, a linguistic review of university curricula in Iran indicates insufficient representation of interjections, which contradicts their high pragmatic relevance. The results underscore the necessity of integrating expressive lexicon into linguocultural and intercultural analysis, as it reflects the speaker's emotional-evaluative stance and contributes to the development of authentic communicative competence.

Keywords: interjection, onomatopoeia, linguoculturology, intercultural communication, Russian-Persian contrastive analysis, expressive competence

For citation: Mehrabi Q. Interjections and Onomatopoeias in the Russian-Persian Context: Survey Findings. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(2(508)):111-118. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-111-118.

Введение

Междометия и звукоподражания долгое время оставались «слепым пятном» в лингвистических исследованиях, особенно в контексте сопоставительного и лингвокультурологического анализа. Их традиционное восприятие как второстепенных, эмоционально неструктурированных элементов речи привело к систематическому игнорированию их роли в формировании экспрессивной и прагматической компетенции. Между тем именно эти единицы наиболее ярко отражают культурно обусловленные нормы выражения эмоций, установления контакта и регуляции дискурса.

В условиях роста интереса к межкультурной коммуникации и лингвокультурной вариативности языковых систем всё более очевидной становится необходимость изучения экспрессивных средств не только как грамматических аномалий, но как носителей культурно маркированной семантики. Особенно актуален этот вопрос в контексте русско-персидского взаимодействия, где различия в эмоциональных кодах и коммуникативных стратегиях могут порождать как недопонимание, так и новые формы адаптации.

Несмотря на наличие отдельных работ по междометиям в русском и персидском языках, сопоставительные исследования, основанные на эмпирических данных, остаются крайне редкими. В частности, отсутствуют работы, анализирующие восприятие и употребление русских междометий носителями персидского языка в условиях иностранного языкового обучения.

Цель настоящей статьи — восполнить этот пробел, проанализировав особенности восприятия и использования междометий и звукоподражаний студентами-иранцами, изучающими русский язык. В качестве эмпирической базы выступают результаты опроса 52 студентов Университета Альзахра (Тегеран) с промежуточным уровнем владения русским языком. Исследование направлено на выявление степени осознанности употребления экспрессивных средств, их функциональных предпочтений и степени конвергенции между русской и персидской экспрессивными системами. Полученные данные интерпретируются в рамках лингвокультурологического и межкультурного подходов, что позволяет рассматривать междометия как индикаторы эмоци-

ональной культуры речи и средства межъязыковой адаптации.

Теоретические основы: статус междометий и звукоподражаний в лингвистике

Междометия традиционно занимают спорное положение в системе частей речи. Уже в работах конца XIX — начала XX в. (Д. Н. Ушаков, А. М. Пешковский, Д. Н. Овсянко-Куликовский, Ж. Вандриес, Ш. Балли) отмечалась их обособленность от классических грамматических категорий. Некоторые исследователи даже отрицали за междометиями статус полноценных слов, называя их «полусловами» или «непроизвольными эмоциональными выкриками» [6, с. 31]. Такой подход препятствовал системному изучению этих единиц и способствовал их маргинализации в лингвистической традиции.

Показательна позиция Ш. Балли, который проводил четкое разграничение: «Междометие находится вне языка, если оно является чистым воспроизведением звука или шума... Но междометие относится к языку с того момента, как оно получает значение предложения» [2, с. 20]. Эта формулировка подчеркивает переход от фонетической имитации к семантической функции — именно в этом моменте междометие становится частью языковой системы.

В «Русской грамматике» (1980) междометия определяются как «класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлененного выражения чувств, ощущений, душевных состояний и других (часто непроизвольных) эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность» [9, с. 732]. Это определение акцентирует их прагматическую природу: междометия не обозначают предметов, действий или признаков, но выражают отношение говорящего к ситуации. В. В. Виноградов называл их «коллективными знаками эмоционального выражения» [3, с. 585], указывая на их устойчивость в языковой традиции и социальную обусловленность.

Отсутствие номинативной функции принципиально отличает междометия от знаменательных частей речи. Вместе с тем они способны выполнять коммуникативную роль целого высказывания: «ой!» может означать испуг, «ура!» — радость, «прочь!» — волеизъявление. «Русская грам-

матика» предлагает трехкомпонентную семантическую классификацию:

- 1) междометия эмоций (ах, ой, ура);
- 2) междометия волеизъявления (вон!, стоп!);
- 3) этикетные междометия (спасибо, здравствуйте) [9, с. 733].

В. В. Виноградов же выделяет до восьми разрядов, включая звательные, бранные и даже «междометные глагольные формы» (прыг, сок) [3, с. 589], что свидетельствует об их функциональной гибкости и способности адаптироваться к различным дискурсивным контекстам.

Звукоподражания, согласно «Русской грамматике», рассматриваются как подкласс междометий [9, с. 732]. Однако А. М. Пешковский отрицал их словесную природу: «Здесь нет членения на звуки и значение, свойственные слову, так как здесь всё значение — в звуках» [8, с. 168]. Тем не менее современная лингвистика признает, что устойчивые звукоподражания («мяу», «гав-гав», «кукареку») обладают постоянным фонемным составом и общепринятым значением. Как отмечает Н. М. Шанский, «общепринятые звукоподражания имеют постоянный фонемный состав... Благодаря этому они одинаково понимаются всеми говорящими на русском языке. Такие звукоподражания выступают в языке как полноценные слова» [12, с. 253].

Количественные данные подтверждают значимость этих единиц: по данным «Обратного словаря русского языка» А. Н. Тихонова, в языке зафиксировано 341 междометие — больше, чем предлогов, союзов и частиц вместе взятых [10, с. 442]. Этот факт позволяет рассматривать междометия и звукоподражания не как периферийные элементы, а как носители экспрессивной и прагматической нагрузки, отражающие эмоционально-оценочное отношение говорящего к действительности.

Важно подчеркнуть, что игнорирование этих единиц в учебной практике ведет не просто к пробелу в грамматических знаниях, а к формированию эмоционально усеченной модели языка. Между тем именно междометия позволяют передать живую интонацию, установить контакт, выразить сопереживание или возмущение — то, что делает речь аутентичной. В художественной литературе, кино, повседневном общении они выполняют функцию экспрессивного каркаса, без которого язык теряет динамику и глубину.

Таким образом, междометия и звукоподражания заслуживают не маргинализации, а включения в поле зрения лингвокультурологического и межкультурного анализа как индикаторов эмо-

циональной культуры речи и средств интерсубъективного взаимодействия.

Сопоставительные особенности русских и персидских междометий

Сравнительное рассмотрение междометных систем русского и персидского языков позволяет выявить как глубинные различия, обусловленные культурно-коммуникативными нормами, так и значительную функциональную конвергенцию в базовых эмоциональных доменах. В персидском языке междометия также занимают особое место в экспрессивной лексике. Как отмечает Т. Вахидиан Камьяр, «междометия — это слова, которые являются отголосками звуков или любого слова, в котором связь между формой и значением носит естественный, мотивированный характер». Эта дефиниция подчеркивает онтогенетическую и когнитивную близость междометий к первичным реакциям человека на внешние стимулы.

Особенно показательна способность персидских междометий функционировать как автономные речевые акты. Так, в высказывании «آه از این مردم» («Увы! Какие люди!») междометие آه («ах», «увы») замещает целое предложение с глагольным значением «сожалею» или «горюю». Аналогично, «سلام» («здравствуйте!») выступает как этикетная формула, эквивалентная полному высказыванию «Привет тебе!», несмотря на отсутствие грамматической структуры. Эта черта — способность междометия замещать предложение — полностью совпадает с функцией русских междометий, описанной в «Русской грамматике» и работах В. В. Виноградова.

Несмотря на эту общую черту, сопоставительные исследования указывают на различия в частотности, распределении по семантическим группам и прагматической реализации: «Частота употребления междометий каждой подгруппы... не одинакова в обоих языках; различно не только количество междометий, входящих в каждую подгруппу, но и качество реализации каждого междометия в речевой ситуации, а также их структура и характер порождения» [7, с. 180]. Например, в персидском языке наблюдается более широкое использование междометий религиозного происхождения («بِإِذْنِ اللَّهِ», «إِنْ شَاءَ اللَّهُ»), что отражает специфику культурного кода, тогда как в русском преобладают светские экспрессивные маркеры.

Тем не менее качественные различия носят скорее количественный, чем принципиальный характер. Основные эмоциональные домены — удивление, радость, испуг, приветствие,

сожаление — выражаются в обоих языках с помощью сопоставимых междометных средств. Это создает благоприятные условия для межъязыковой трансляции экспрессивной функции. Эмпирические данные подтверждают, что наличие интерлингвальных соответствий облегчает как понимание, так и продуктивное употребление междометий: «Анализ переводов текста, выполненного студентами из Германии, показал высокую степень зависимости процесса восприятия междометных слов от возможности соотнесения их с междометными единицами родного языка. Все междометные слова, имеющие адекваты в родном языке, были переведены» [13, с. 149]. Хотя исследование касалось немецко-русской пары, его вывод применим и к русско-персидскому контексту.

Итак, несмотря на культурно и фонетически обусловленные различия, русская и персидская междометные системы демонстрируют значительную функциональную и прагматическую схожесть. Это позволяет рассматривать междометия не как источник интерференции, а как точку опоры для межкультурного понимания, где общие эмоциональные реакции становятся мостом между языковыми системами. В этом смысле междометия выступают не просто как лингвистические единицы, но как индикаторы универсальных и культурно-специфических стратегий эмоциональной экспрессии.

Эмпирический анализ восприятия и употребления междометий и звукоподражаний студентами-иранцами

Эмпирической базой исследования послужили данные опроса, проведенного среди 52 студентов кафедры русского языка Университета Альзахра (Тегеран), обучающихся на промежуточном уровне (B1–B2 по шкале CEFR). Из общего числа 80 потенциальных респондентов участие приняли 65 %, что обеспечивает репрезентативность выборки для качественного анализа. Опрос был реализован в формате Google Forms и включал девять вопросов: первые — с множественным выбором, последние — с бинарными ответами «да/нет». Все вопросы были переведены на персидский язык, что минимизировало риск искажения данных из-за языкового барьера.

Лишь незначительная часть респондентов (2 %) заявила, что не использует междометия в повседневной речи. Подавляющее большинство, напротив, активно включает их в устную и/или письменную коммуникацию: 44 % — часто, 25 % — иногда, 23 % — постоянно и 6 % — редко (рис. 1).

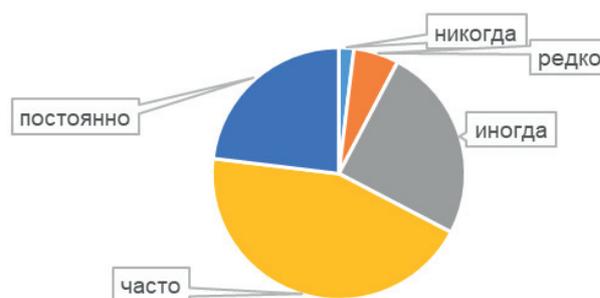

Рис. 1. Результаты ответов на вопрос «Как часто вы используете слова вроде “боже!”, “супер!” “ох”, “ах”, “ой” или звуки вроде “бум”, “мяу” в повседневной речи?»

Fig. 1. Results of answers to the question “How often do you use words like ‘god!’, ‘super!’, ‘oh,’ ‘ah,’ ‘oy,’ or sounds like ‘boom,’ ‘meow’ in everyday speech?”

Большинство респондентов отмечают, что междометия и звукоподражания способствуют более свободному выражению эмоций в эмоционально насыщенных ситуациях: 37 % указали, что прибегают к ним «всегда», а 63 % — «иногда». Кроме того, участники опроса подчеркнули их дискурсивную функцию — заполнение пауз, возникающих в ходе разговора (рис. 2).

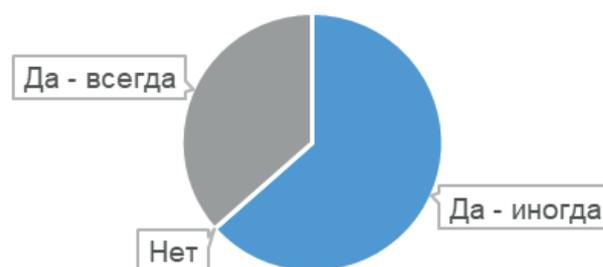

Рис. 2. Результаты ответов на вопрос «Замечаете ли вы, что междометия помогают вам лучше выразить свои чувства или заполнить паузы в разговоре?»

Fig. 2. Results of the question “Do you notice that interjections help you express your feelings better or fill pauses in conversation?”

Большинство студентов используют междометия и звукоподражания для выражения эмоциональных состояний, что соответствует их основной прагматической функции. Наиболее частыми контекстами употребления оказались: удивление (50 %), неформальное общение с друзьями (23 %), раздражение (8 %) и радость (6 %). В 13 % случаев респонденты выбрали вариант «другое», не уточнив при этом конкретное состояние или ситуацию. Это указывает на возможную ограниченность предложенных категорий ответов и свидетель-

стует в пользу расширения спектра вариантов в будущих исследованиях — например, за счет включения открытого текстового поля для дополнительных комментариев (рис. 3).

Рис. 3. Результаты ответов на вопрос «В каких ситуациях вы чаще всего употребляете междометия (например, “ой”, “вау”, “ах да”, “шикарно”, “фу” и прочее)?»

Fig. 3. Results of the answers to the question “In what situations do you most often use interjections (e.g., ‘oh,’ ‘wow,’ ‘oh yes,’ ‘great,’ ‘ugh,’ etc.)?”

В устной речи подавляющее большинство респондентов используют междометия и звукоподражания инстинктивно, без преднамеренного замысла — что согласуется с их традиционной характеристикой как непровольных реакций на эмоционально значимые стимулы. Лишь незначительная часть участников опроса (23 %) сообщила об осознанном и целенаправленном употреблении данных единиц (рис. 4).

Вопреки распространенному мнению и отдельным исследованиям, указывающим на редкость употребления междометий в письменной речи [1, с. 107; 5, с. 305], подавляющее большинство респондентов (75 %) сообщили об их регулярном ис-

Рис. 4. Результаты ответов на вопрос «Специально ли вы используете звукоподражания (например, “тук-тук”, “о-о”) в разговорах?»

Fig. 4. Results of the question “Do you use onomatopoeia (e.g., ‘tuk-tuk,’ ‘o-o’) in conversations on purpose?”

пользовании в письменной коммуникации (рис. 5). Вероятно, это связано с трансформацией письменной речи в условиях цифровой культуры: в неформальных жанрах — таких как мессенджеры, социальные сети и чаты — междометия и звукоподражания органично интегрируются в текст как средства экспрессивного оформления.

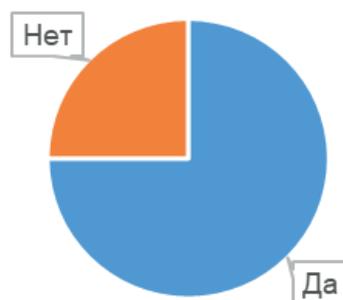

Рис. 5. Результаты ответов на вопрос «Используете ли вы междометия или звукоподражания в переписках?»

Fig. 5. Results of the answers to the question “Do you use interjections or onomatopoeia in your correspondence?”

В опрос был дополнительно включен вопрос об использовании эмодзи и мемов в качестве функциональных заместителей междометий и звукоподражаний. Выяснилось, что 90 % респондентов регулярно используют их в цифровой коммуникации, считая эквивалентом экспрессивных языковых средств (рис. 6). Однако у 10 %, не прибегающих к таким заместителям, остается неясным, связано ли это с неприятием эмодзи как замены, их общим неиспользованием или тем, что они и вовсе не используют междометия в письменной речи — возможно, пересекаясь с группой, ранее указавшей на редкое или отсутствующее их употребление в письме.

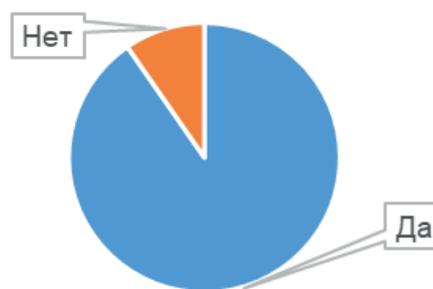

Рис. 6. Результаты ответов на вопрос «Используете ли вы эмодзи или мемы, чтобы заменить междометия или звукоподражания в переписке?»

Fig. 6. Results of the answers to the question: “Do you use emojis or memes to replace interjections or onomatopoeia in your correspondence?”

В опросный лист был включен вопрос о зависимости употребления междометий от коммуникативного контекста и адресата. Почти все респонденты (92 %) сообщили, что адаптируют свой выбор междометий в зависимости от ситуации — будь то общение с друзьями, в семейном кругу, в университете или с незнакомцами (рис. 7).

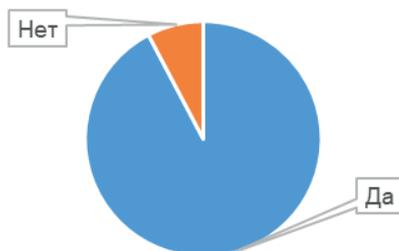

Рис. 7. Результаты ответов на вопрос «Меняется ли ваше использование междометий в зависимости от того, с кем вы общаетесь? (Например, с друзьями, семьей, преподавателями, незнакомцами)»

Fig. 7. Results of the answers to the question "Does your use of interjections change depending on who you are talking to? (For example, with friends, family, teachers, strangers)"

Также респонденты предпочитают использовать междометия и звукоподражания в одних ситуациях чаще, чем в других. Например, существует значительная и очевидная разница между использованием междометия и звукоподражания на занятиях и вне — т. е. во время перерыва и с друзьями (рис. 8).

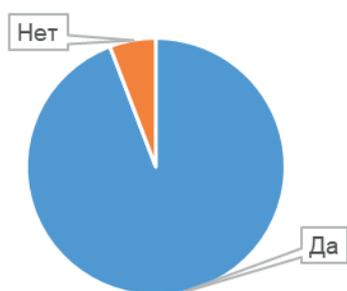

Рис. 8. Результаты ответов на вопрос «Замечаете ли вы разницу в использовании междометий или звукоподражаний по сравнению с неформальными (например, с друзьями)?»

Fig. 8. Results of the answers to the question "Do you notice a difference in the use of interjections or onomatopoeia in formal situations (for example, in classes) compared to informal (for example, with friends)?"

Наконец, для выявления оценочного отношения студентов к экспрессивным средствам речи был сформулирован вопрос: «Делают ли междометия и звукоподражания вашу речь более выразительной?» Подавляющее большинство респондентов (90 %) ответили утвердительно, что свидетельствует о высокой ценности, приписываемой ими этим языковым единицам как инструментам эмоционального и стилистического оформления речи (рис. 9).

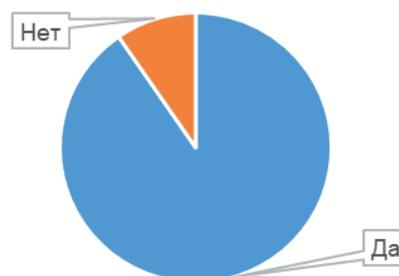

Рис. 9. Результаты ответов на вопрос «Считаете ли вы, что междометия и звукоподражания делают вашу речь более выразительной?»

Fig. 9. Results of the answers to the question "Do you think that interjections and onomatopoeia make your speech more expressive?"

Теоретически можно было бы ожидать возникновения определенных трудностей у иранских студентов при освоении русских междометий и звукоподражаний. К таковым относятся, в частности:

- фонетическая специфика некоторых русских междометий (например, «брр», «тсс»), отсутствующих в персидской экспрессивной системе;
- отсутствие прямых эквивалентов для культурно маркированных единиц (таких как «эх», выражающее ностальгическое сожаление);
- различия в нормах допустимости эмоциональной экспрессии: в персидской коммуникативной культуре, особенно в иерархических или гендерно-смешанных взаимодействиях, сдержанность в проявлении эмоций зачастую рассматривается как признак вежливости.

Тем не менее эмпирические данные свидетельствуют, что иранские студенты демонстрируют высокую чувствительность к экспрессивным средствам русского языка и успешно интегрируют их в свою коммуникативную практику. Совпадение функциональных границ уместности междометий в обоих языках, а также универсальность базовых эмоциональных реакций создают благоприятные условия для межъязыковой трансляции экспрессивной функции. В этих условиях междометия

выступают не как источник прагматической интерференции, а как точка соприкосновения между культурами, где общая способность к эмоциональному выражению становится основой для взаимопонимания.

Заключение

Результаты исследования показывают, что междометия и звукоподражания играют заметную роль в коммуникативной практике иранских студентов, изучающих русский язык. Респонденты активно используют эти единицы как в устной, так и в письменной речи, в том числе в цифровых форматах, и демонстрируют осознанное отношение к их уместности в зависимости от контекста — общения с друзьями, семьей, преподавателями или незнакомцами.

Несмотря на некоторые различия в фонетической реализации и отсутствие прямых эквивалентов для отдельных междометий, систематических трудностей при их усвоении выявлено не было.

Это, вероятно, связано с тем, что в обоих языках — русском и персидском — междометия ограничены преимущественно неформальными, эмоционально окрашенными ситуациями и практически не встречаются в официальной речи. Такое совпадение прагматических норм снижает риск недопонимания и облегчает межъязыковую трансляцию экспрессивной функции.

Кроме того, студенты часто заменяют междометия эмодзи и мемами в онлайн-коммуникации, что указывает на их готовность адаптировать экспрессивные средства к новым дискурсивным условиям. Полученные данные подтверждают, что междометия и звукоподражания заслуживают большего внимания в рамках лингвокультурологического и межкультурного анализа, поскольку отражают не только эмоциональную реакцию говорящего, но и его ориентацию в социальных нормах экспрессии. Их исключение из учебных материалов может приводить к формированию неполной картины живой речи.

Список источников

1. Амека Ф. Междометия: универсальная, но малоизвестная часть речи // Прагматика. 1992. Т. 18, № 2–3. С. 101–118. DOI: [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(92\)90048-G](https://doi.org/10.1016/0378-2166(92)90048-G)
2. Балли Ш. Языковой знак в его отношениях с синтагматикой // Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. Л., 1990. С. 18–24.
3. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) : учеб. пособие для вузов. 2-е изд., испр. М. : Высшая школа, 1972.
4. Иванов В. А. Употребление междометий в функции других частей речи в русском языке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2015. Т. 15, № 4. С. 36–41.
5. Ким Х., Бае Й. Использование междометий в письменных рассказах трех групп владения английским языком // Преподавание английского языка. 2024. Т. 79, № 4. С. 291–309. DOI: <https://doi.org/10.15858/engtea.79.4.202412.291>
6. Мамушкина С. Ю. История вопроса о частеречной идентификации междометий // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2013. № 1 (12). С. 30–36.
7. Мехраби К. Сопоставительный анализ междометий и звукоподражаний в русском и персидском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 3. С. 173–182.
8. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М. : Языки славянской культуры, 2001.
9. Русская грамматика : в 2 т. Т. 1 / предисл. Н. Ю. Шведовой. М. : Наука, 1980.
10. Тихонов А. Н. Современный русский язык. (Морфемика. Словообразование. Морфология). М. : Цитадель-трейд, 2003.
11. Хлебническая Г. Ф. Русский язык. 11-й класс. Профильный уровень : учеб. для общеобразоват. учреждений. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010.
12. Шанский Н. М. и др. Современный русский язык. М. : Просвещение, 1987.
13. Шпрах И. М. Особенности восприятия междометных фразеологизмов иностранцами // Оптимизация учебно-воспитательного процесса на этапах довузовского и вузовского обучения : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 28–29 апр. 2003 г.: посвящ. 85-летию Иркут. гос. ун-та. Иркутск, 2003. Т. 1. С. 147–152.

References

1. Ameka FK. Interjections: The universal yet neglected part of speech. *Journal of Pragmatics*. 1992;18(2-3):101-118. DOI: [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(92\)90048-G](https://doi.org/10.1016/0378-2166(92)90048-G)
2. Bally Sh. The linguistic sign in its relationship with syntagmatics. In: Phonosemantic ideas in foreign linguistics. Leningrad; 1990. Pp. 18–24. (In Russ.).
3. Vinogradov VV. Russian language (grammatical doctrine of the word): Textbook for universities. 2nd ed., corrected. Moscow, Vysshaya shkola; 1972. (In Russ.).
4. Ivanov VA. Use of interjections in the function of other parts of speech in Russian. *Bulletin of the Saratov University. New series. Series Philology. Journalism*. 2015; 15(4):36-41. (In Russ.).
5. Kim H, Bae J. Interjection use in written stories of three English proficiency groups. *English Teaching*. 2024;79(4):291-309. DOI: <https://doi.org/10.15858/engtea.79.4.202412.291> (In Russ.).
6. Mamushkina SYu. History of the issue of part-of-speech identification of interjections. *Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishchev*. 2013;1(12):30-36. (In Russ.).
7. Mehrabi K. Comparative analysis of interjections and onomatopoeia in Russian and Persian languages. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics*. 2015;(3):173-182. (In Russ.).
8. Peshkovskiy AM. Russian syntax in scientific interpretation. Moscow, Languages of Slavic Culture; 2001. (In Russ.).
9. Russian grammar. In 2 vols. Vol. 1. Ed. N. Yu. Shvedova. Moscow, Nauka; 1980. (In Russ.).
10. Tikhonov AN. Modern Russian. (Morphemics. Word formation. Morphology). Moscow, Citadel-trade; 2003. (In Russ.).
11. Khlebinskaya GF. Russian language. Grade 11. Advanced level: textbook for comprehensive schools. Moscow, OLMA Media Group; 2010. (In Russ.).
12. Shansky NM et al. Modern Russian language. Moscow, Education; 1987. (In Russ.).
13. Shprah IM. Features of perception of interjection phraseological units by foreigners. In: Optimization of the educational process at the stages of pre-university and university education: collection of materials of the International scientific and practical conference. Irkutsk, April 28–29, 2003: dedicated to the 85th anniversary of Irkutsk State University. Irkutsk, 2003. Vol. 1. Pp. 147–152. (In Russ.).

Сведения об авторе

К. Мехраби — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка факультета литературы.

Information about the author

Q. Mehrabi — Cand. Sci. (Phology), Assistant Professor at the Department of Russian Language, Faculty of Literature.

Статья поступила в редакцию 30.09.2025; одобрена после рецензирования 31.10.2025; принята к публикации 14.01.2026.

The article was submitted 30.09.2025; approved after reviewing 31.10.2025; accepted for publication 14.01.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.